

Г.М. ШИПИЦЫНА

*(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия)*

УДК 81'374

ББК Ш104

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДИНАМИКИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОННОТАЦИИ

Аннотация. На материале исторических и современных толковых словарей в статье прослеживается эволюция значений, а также коннотативных и прагматических смыслов у идеологической лексики под влиянием меняющихся социальных оценок, информационно-культурной среды и самого сознания носителей русского языка.

Ключевые слова: эволюция, толковый словарь, словарная дефиниция, смысловая структура, семантика слова, сема, коннотация, идеологизация толкования.

По мысли академика В.В. Виноградова, для понимания какого-либо языка надо не только хорошо знать обозначаемые словами объекты, но также необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры, надо учитывать то, что одни и те же названия в разные эпохи обозначают разные предметы и разные понятия, что каждая социальная среда характеризуется своеобразием своих обозначений, что одни и те же предметы по-разному осмысляются людьми разного образования, разного мировоззрения, разных профессиональных навыков и т.д. «Поэтому одно и то же русское слово как указание на предмет понимается по-разному людьми разных социальных или культурных групп» [Виноградов 1972: 17]. Под влиянием меняющихся общественных взглядов и оценок у носителей языка в различных политических условиях жизни социума происходят существенные преобразования семной организации семантики употребляемых слов. Как правило, эти преобразования начинаются с изменений в периферийной части семантической структуры лексико-семантического варианта (семемы), в которой находятся семы коннотаций, прагматики, оценочности, историко-культурного и ментального свойства.

Такие изменения столь существенны, что, как правило, находят отражение в дефинициях толковых словарей. При всех недостатках словарей, на наш взгляд, они, безусловно, отражают основные тенденции в развитии смысловой структуры слов. В этом убеждении мы присоединяемся к ряду лингвистов, полагающих, что словари, являясь общепризнанными лексикографическими справочниками с вековыми традициями их усовершенствования и переиздания, в основном дают достаточно объективную и обобщенную картину значений слов. «... Представление значений ... хотя и основано на интуиции составителей, часто оказывается ничуть не хуже определений, сформулированных на основе самых изощренных семантических методик» [Кузнецов 1988: 160]. Словари, в том числе и энциклопедии, зачастую являются манифестантами общественно значимых идей, поскольку используются не только по своему прямому назначению – для толкования слов и понятий, но и в качестве средства формирования мировоззренческих установок личности (формирования как намеренного, так и непровольного). Поэтому сопоставление словарных дефиниций одного и того же слова в разные периоды исторического развития социума позволяет проследить не только эволюционный характер его смысловой структуры, но и меняющийся ореол коннотативного и прагматического (в том числе идеологического) содержания слова как важной добавки к сигнификативному и денотативному компонентам значения. Приведем пример.

Слово *анархизм* в дореволюционный период обозначало следующее:

- Безначальство (КП).
- Состояние государства, въ которомъ нѣтъ главы и установленнаго правленія; безначаліе (ЦС).
- Ученіе о такомъ общественномъ строе, въ которомъ нѣтъ ни государственной власти, ни заработной платы, а осуществлены наибольшая свобода и самостоятельность личности (СЯ).
- Ученіе, отрицающее необходимость государственной власти въ общественномъ строе (СЛА).

- Учение, проповедующее, что люди должны жить, не подчиняясь никакой принудительной власти, и сами не должны применять никаких насилий (СПИ).

Такая система революционных действий, которая стремится к введению нового общественного строя (в частности анархического) путем истребления представителей государственной власти, а также нападений на учреждения, собрания и проч., являющихся выражением существующего строя (СЛА).

Сопоставив данные различных словарей, мы убеждаемся в широте идеологических спектров интерпретации номинируемого явления и эксплицированной в дефинициях прагматической составляющей такой интерпретации. Так, в «Книге письмовнике...» (КП) 1777 года и «Словаре церковно-славянского и русского языка ...» (ЦС) 1847 года говорится только о том, что анархизм – это «отсутствие всякого начальства». Такое определение вполне могло спровоцировать положительную оценку этого политического течения в массовом народном сознании. Оно привлекательно для населения России уже тем, что всякое начальство в исторической национальной ментальности русского народа никогда не связывалось с желаемыми, полезными для человека делами и обстоятельствами. Неслучайно в родственном гнезде с вершиной *начальство* есть специальное слово, выражающее стиль поведения в отношении к людям, который никак нельзя назвать желаемым для обычного человека: *начальственный-2* – «высокомерно-строгий полный важности, властный». *Начальственный окрик* – это такой окрик, как у начальников. Или *начальственный тон*. Пример: *Василию не понравился начальственный тон приезжего и то, что в чужом доме гость держался небрежно и равнодушно, как на вокзале* (Г. Николаева. Жатва) (МАС). Есть и устойчивое сочетание слов с отрицательной прагматикой *доносить по начальству*. Слово *начальство* вызывало и вызывает целый ряд неприятных ассоциаций у личности, ведь русский народ никогда не был идеально законопослушным, не отличался и не отличается особым рвением в исполнении приказов и указаний начальства. Начальство также никогда не было изысканно корректным и доброжелательным по отношению к обычным гражданам.

Факт безусловной привлекательности анархизма с подачи вышеназванных словарей в известной степени нейтрализуется в «Словаре иностранных слов и научных терминов ...» (СЯ) 1905 года сообщением в дефиниции о том, что при анархизме не будет не только государственной власти (обыватель не станет о ней сожалеть!), но и заработной платы. Эта очень важная, хотя довольно наивная, прибавка к толкованию значения слова призвана заставить пользователей словаря задуматься о специфике анархизма, так сказать, сопоставить за и против, и в итоге, возможно, подвергнуть сомнению безусловную привлекательность анархизма для простого человека. «Словарь (политические и иностранные слова)» (СПИ) 1917 года эту же проблему решает иначе. Сообщая о том, что при анархизме люди должны жить, не подчиняясь никакой принудительной власти, и «сами не должны приминять никаких насилий», словарь обращает внимание на то, что анархизм предполагает также возложение на людей совершенно определенных обязанностей. Категоричность высказывания этой мысли подчеркнута предикативной основой предложения и строгим модальным словом *не должны*, тогда как привлекательные стороны анархизма выражены деепричастным оборотом, передающим добавочное (то есть неглавное) действие в структуре предложения. «Словарь политических, социально-экономических и некоторых других слов» (СлА) 1906 года обращает внимание на довольно опасный и для нормального человека малопривлекательный революционный способ достижения анархизма: «путем истребления представителей государственной власти, а также нападений на учреждения, собрания и проч., являющихся выражением существующего строя». То есть всех представителей власти и их организации сначала надо истребить. Да..., но ведь они обязательно будут сопротивляться, да и Россия уж очень большая и начальников в ней тоже очень много ... Есть ли гарантия благополучного исхода этого революционного деяния – истребить всё начальство? – ее, конечно же, нет, а следовательно, надо подумать, а стоит ли начинать подобные революционные деяния?!

Словари советского периода определяли слово *анархизм* с совершенно четких, однозначных идеологических позиций побе-

дившей партии большевиков, уже не приглашая пользователей словарей к каким-либо размышлениям, обдуманному выбору политической системы государства. Пользователям словарей предлагалось одно решение вопроса и одна оценка как единственно правильная и вообще возможная. Главным аргументом в оценке анархизма, как и любого другого политического направления, выступал ведущий компонент идеологической системы марксистско-ленинского учения о необходимости диктатуры пролетариата. В советский период, особенно в его начальной стадии, словосочетание *диктатура пролетариата* было в числе тех языковых выражений и конструкций, которые использовались для формирования массового сознания народа, они не могли подвергаться вдумчивому осмыслению, оценке, их надо было только заучивать и употреблять в языке пропаганды. Поэтому в отношении к анархизму социуму оставалось лишь принять готовое решение и руководствоваться только этим решением, поскольку прагматически сильное словосочетание *диктатура пролетариата* исключало саму возможность обсуждения как целесообразности такой диктатуры, так и критериев оценки политических идей по их отношению к этой диктатуре. Примеры словарных дефиниций периода 1918–1991 годов для слова *анархизм*:

- Мелкобуржуазное политическое течение, проповедующее анархию, враждебное марксистско-ленинскому учению о пролетарской революции и диктатуре пролетариата как единственном пути к уничтожению классов и отмиранию государства (ТСУ).

- Мелкобуржуазное реакционное общественно-политическое течение, враждебное пролетарскому научному социализму, отрицающее всякую государственную власть и политическую борьбу и выступающее против революционной диктатуры пролетариата (МАС).

- Враждебное марксизму мелкобуржуазное общественно-политическое течение, проповедующее анархию, отрицающее всякую государственную власть, организованную политическую борьбу и руководящую роль пролетарской партии (ОШ).

Эти определения полны экспрессивов с эксплицированием и имплицированием оценок. Так, прямо выраженные оценки

содержит эпитет *реакционное* (*общественно политическое течение*), а также эпитет *враждебное*. Иные эпитеты такую оценку проявляют через системные связи в лексико-семантических парадигмах и ассоциациях. Например, *анархизм* – это «политическое течение, враждебное пролетарскому научному социализму». Оценка скрыта в парадигматическом противопоставлении – если пролетарский социализм – научное течение, то прочие течения – не научные, следовательно, и неверные, поскольку они не базируются и не выстроены на солидном и научно обоснованном основании. Иные оценки в этих дефинициях воспроизводятся в сознании носителей языка, адаптированных к политическому дискурсу советского периода, через апелляцию к устойчивым дистрибуциям политико-административного языка советского времени. Например, слово *мелкобуржуазное* достаточно традиционно для советского периода синонимизировалось со словом *враждебное*. Марксистско-ленинское учение было самым главным идеологическим, можно даже сказать, сакрализованным, учением эпохи, все остальное определялось с позиции этого учения. Поэтому употреблять словосочетание *марксистско-ленинское учение* без ярких оценок этого учения (с высшей положительной коннотацией) было не принято. Значимость учения Маркса, Энгельса, Ленина подчеркивалось всевозможными эпитетами с высокой прагматикой: «бессмертное», «всепобеждающее», «великое», «гениальное», «могучее», «всесильное», «интернациональное» и т.п. Например, *Весь ход исторических событий знаменует торжество великого, всепобеждающего учения марксизма-ленинизма* (Правда, 1955, № 355). *Семь десятилетий опыт и уроки Октября умножают силу и неисчерпаемое богатство нашего бессмертного марксистско-ленинского учения* (Правда, 1987, № 307). Можно вспомнить и основной лозунг советской эпохи *Учение Ленина всесильное, потому что оно верное*. Был также создан (в том числе стараниями пролетарского поэта-трибуна В.В. Маяковского) монументальный образ компартии СССР, воспринимаемый носителями языка как физически очень сильный живой организм, стоящий у руля страны и имеющий «спинной хребет», *руку миллионопалую, сжатую в один громящий кулак*. Поэтому

всё, враждебное этой идеологии, отрицающее руководящую роль большевистской партии и необходимость диктатуры пролетариата, было совершенно однозначно квалифицировано как ненаучное, вредное, враждебное, недопустимое в принципе.

Со сменой государственной идеологии в российском социуме конца XX века происходит обновление политической концептосферы, идеологические оценки советского периода переосмысливаются и корректируются, и вот уже словари постсоветского времени отражают инновации нового времени. Дефиниции у слова *анархизм* также изменяются в полном соответствии с этой тенденцией, более того, составители словарей стараются достигнуть толкований, не привязанных к каким-либо политическим пристрастиям, тем или иным идеологическим сообществам носителей языка новейшего времени. Приведем данные наиболее авторитетных словарей литературного языка XXI века:

- *Анархизм* – общественно-политическое течение, отрицающее всякую власть и организованную борьбу, проповедующее неограниченную свободу личности (БТС) (аналог. ТСЯИ, РТС, ТСХХI).

- *Анархизм* – отказ от соблюдения принятых в обществе норм поведения, от выполнения каких-л. обязанностей (БТС).

Действительно, в последние годы создатели лексикографических трудов стремятся избавить их от всяческой идеологизации, тенденциозных оценок политических явлений российской действительности, поэтому идеологически-оценочные наслоения и предписания в структуре дефиниций политической лексики в словарях постсоветского периода значительно ослаблены или вовсе нейтрализованы. Это явление получило терминологическое выражение – *реидеологизация* [Васильев, Веренич 2005: 92]. Насколько эта тенденция возобладает – покажет время. Однако, по нашему мнению, можно усомниться в возможности абсолютного исключения идеологического компонента в профессионально-лексикографическом толковании слов. Иногда вместо декларируемой деидеологизации в практике толкования появляется замена одних идеологем на другие, одних социально устремленных коннотаций на другие, более соответствующие новой системе аксиологических координат. Ведь лексическое

значение слова всегда догружено историко-культурными и социально-оценочными коннотациями своего времени, о чем в своё время писал акад. В.В. Виноградов. Вопрос этот довольно не простой как в лексикографической практике, так и в теории семантического объема слова, и как он будет решаться в будущем – покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев А.Д., Веренич Т.К. Динамика деэкзотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов в современном русском языке): монография. – Красноярск, 2005.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972.

Кузнецов А.М. Компонентный синтез как способ верификации словарных дефиниций // Теория языка и словари. – Кишинев, 1988.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ И ИХ УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова; Рос. акад. наук, ин-т лингвистич. исслед. – СПб., 1998.

КП – Книга писемовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями, разных учебных и полезнозабавных вещей / Новое издание пересмотренное, поправленное и умноженное. – СПб., 1777.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. – М., 1957–1961.

ОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1991.

РТС – Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М., 2006.

СЛА – Словарь политических, социально-экономических и некоторых других слов / сост. Ачадов. Вып. первый. – М., 1906.

СПИ – Словарь (политические и иностранные слова) / сост. Н. Гомартели и М. Марков. – М., 1917.

СЯ – Словарь иностранных слов и научных терминов / сост. А.Е. Яновский. Вып. 1, 2. – СПб., 1905.

ТСХХI – Толковый словарь русского языка начала ХХI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. – М., 2007.

ТСУ – Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова; т. 1-4. – М., 1935–1940.

ТСЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. – СПб., 1998.

ЦС – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук: в 4 т. – СПб., 1847.

© Шипицына Г.М., 2013